

Краснов Борис
(художник)

30.9.02

Борис КРАСНОВ, художник:

Известия. — 2002. — 30 сент. — с. 8

Мюзикл — это стопроцентное счастье

Борис КРАСНОВ человек популярный, для художника по нынешним временам такая популярность — редкость. Популярным Краснова сделало телевидение. Заседать в жюри КВН и делать декорации для концертов наших поп-звезд — вот результативный путь к известности. Нынче Краснов включился в общее модное поветрие: он затеял мюзикл «42-nd Street» — один из знаменитых бродвейских мюзиклов экспортирован в Москву. Он будет поставлен и сыгран американцами в декорациях Краснова. Для этого Краснов порядочно преобразил Московский дворец молодежи — один из последних архитектурных мастодонтов советских времен. Незадолго до премьеры обозреватель «Известий» Ольга КАБАНОВА посетила кабинет художника в офисе «Краснов дизайн» и вдоволь наслушалась музыки из «42-й улицы», которой Краснов оглушает каждого входящего.

— Вы по образованию театральный художник...

— Самые эрудированные художники — это те, кто работает в театре, и иллюстраторы, а не скульпторы и живописцы. Потому что они сначала что-то прочтывают. Фабула жизни им понятна.

— Но ведь литературность художнику отчасти и мешает...

— Почему мешает? Это конкретика, она волнует. Петр Первый со своим сыном или там Иван Грозный.

— Но я не о Петре Первом. Я о шоу хочу спросить. Западные шоу держатся на технологиях, а у вас — разрисованные задники.

— Задники лучше запоминаются, поэтому вам так кажется. Но мы как раз делаем стейдж-дизайн. Это моя сильная сторона. Мы делаем много интерьеров ресторанов, клубов, но в этом деле есть и посильнее нас.

— А вы следите за художественными тенденциями? Вот у вас в приемной много книг стоит по современной архитектуре, дизайну.

— Сергей Параджанов очень хорошо сказал. Мы тогда молодые были, все нам чего-то хотелось узнать. А он ходил в рваных брюках — дырки прищепками закалывал, гостей принимал и фонтанировал идеями. Вот я и спросил, а когда вы читаете. Так он ответил, что надо читать до 28 лет, потом бесполезно. Он прав. Я когда работаю, ничего не смотрю. Существует два подхода у театральных художников, мой киевский учитель Даниил Лидер говорил, что надо сначала родить образ, а потом под него подбирать фактуру, детали, необходимый исторический материал. А когда я приехал в Москву и стал работать в «Ленком», то

там Олег Шейнцис делал наоборот, считал, что изучение культуры, эпохи помогает создать образ. Но я, как Лидер, делаю.

— И как у вас рождается образ для поп-звезд? Ведь это очень консервативная публика. У них есть один модельер — Юдашкин, и один художник сцены — Краснов.

— Какие образы! В большинстве своем артисты слабые, неинтересные люди, не ньюсмейкеры...

— Как не ньюсмейкеры? А Пугачева?

— Ну я о Пугачевой не говорю, у нее интуиция доведена до совершенства, она знает, что надо народу. Но и она ведь, как все, гастролирует, выступает на каких-то маленьких сценах, в клубах, где три лампочки еле работают, где дрыгающиеся колонки. А потом раз в год делает «Рождественские встречи» — праздник. Чтобы человек пришел и восхитился, чтобы купил диск, чтобы запомнил. И Леонтьев такой же. Они хотят удивлять и потому так долго живут.

— Вы Пугачевой предлагаете образ или она его заказывает?

— Ну мы вместе придумываем, но ведь это — Пугачева. А остальные... У меня подход методологически правильный, театральный, а у них — ничего. Носятся по свету, им не до декораций, им нужно деньги зарабатывать, так и становятся «сбитыми летчиками».

— Вот вы оформляете концерты к Дню Победы. Оформление, как мне показалось, — довольно кондовое, советское.

— Почему кондовое? Это идеология. Потом там Кремль, Блаженный там в ракурсе, дорога к храму. Вот отсюда они на фронт ушли, сюда и пришли. А

ГЕННАДИ ЗЫРЯНОВ

чем этот концерт насыщается по желанию партии и правительства — не мое дело.

— Мне очень понравилась ваша старая работа на Красной площади — оформление циркового фестиваля. Вы там таких дворцов настроили и кремлевские стены вам подыграли.

— А после этого был сумасшедший проект в Греции. Чемпионат мира по легкой атлетике мы им сделали, после чего они получили Олимпиаду 2004 года. Это был прецедент — мы грекам делали греческое, а не ставили на стадионе «Хованшину». Это вам не русский стенд на выставке. Мы у немцев тендер выиграли. А сейчас мы выиграли тендер на церемонии открытия и закрытия XV Азиатских игр в 2006 году в Катаре. Там были французы, бельгийцы, австралийцы, а выиграли мы. Мы их всех убрали в одну калитку.

— Здорово. С большим странством работать интересно.

— А с артистами неинтересно, им важно, на какой машине они ездят, а на какую сцену они выйдут — не важно. Ведь почему сейчас такой интерес к мюзиклам? За счет колоссального падения эстрады. До дня. Новые люди не появляются. Нет голосов, нет личностей, нет музыки, нет мелодистов. Нет внимания к тексту, к фабуле, смыслу. А мюзикл дает зрелище, хорошую живую музыку, хорошие голоса, сю-

жет. Зрители получают и эстрадную пиллюлю, и театральную. У нас ведь драма — лучшая в мире, там и должно быть — отравление, удушение, предательство. А в мюзикле — сто процентов счастья. У меня — актер, танцор и певец в одном лице. У меня 19 смен декораций! В мюзикле нет условности. Сказал: гримерка, значит, должна быть гримерка. Мюзикл — не Таганка. Все настоящее — это одно из условий жанра. Вот Боровский гениально в «Пристегните ремни» придумал, когда там три сиденья — вж-ж-жик. Но это в мюзикле быть не может. Вот слушайте! Вот музыка!

— Выключите, пожалуйста, я вас не слышу!

— Вот лестница в финале выезжает, светящаяся. У меня работают настоящие американские звезды и половина кордебалета оттуда. Нет, вы слушайте!

— А почему вы тогда не импортируете декорации, а делаете их сами?

— А как перевезти столько декораций? Так я им полгода доказывал, что я могу сделать декорации не хуже, чем на Бродвее. Все длится будет два с половиной часа. Два с половиной часа счастья. Тут же костюмы. 500 костюмов! Я хочу показать людям настоящий бродвейский мюзикл со всеми делами. Москва становится столицей мира — вы можете пойти в цирк, в Большой театр и на мюзикл. Вот вы послушайте, это примадонна... А вот сейчас она уходит. Здорово! Вот финал... вы думаете кончается, а он — опять. Тут вой стоит в зале! Счастье? Счастье! Тут каждый зритель находит свою фишечку: кто-то — хоровое пение, кто-то — акробатику бешеную. Чем мюзычный драматичный театр в Житомире отличается от музыкального драматического мюзикла у нас? Ничем! Все то же: спела, сказала, спел, сказал, потом другие станцевали. Это свой жанр, очень хороший, но не мюзикл. А у нас видно мастерство человека — он танцует, он же поет, он же актер. Американцам не надо показывать, как делать, только — что делать. Профессионализм у них потрясающий. Правда, поют по-английски, но мы сделали перевод.